

Сообщения на экране телефона были путаными — Ван Жуйчжи, похоже, сама не знала, как лучше спросить. Цяо Юаньлинь тоже не понимал, как в двух словах объяснить, что его отец Цяо Вэньюань и приемная мать Лян Чэна создали семью, хотя само усыновление уже давно было аннулировано.

В конце концов телефон начал разряжаться и вот-вот готов был выключиться, поэтому он ответил:

— Бабушка, я расскажу тебе всё подробно в другой раз.

Подъехав к дому, Лян Чэн не стал выходить из машины. Ему нужно было вернуться в свою квартиру, чтобы поработать над отчетами по диссертации, а также набраться сил перед завтрашней дневной операцией.

Перед тем как разойтись, Цяо Юаньлинь достал из рюкзака диктофон и спросил:

— Брат, сможешь мне его починить?

Лян Чэн забрал его:

— Сломался?

— Постоянно пропадают по несколько секунд записи, да и звук стал совсем тихим, — с сожалением протянул Цяо Юаньлинь. — Я купил его только тогда, когда меня взяли в штат, и даже сделал именную гравировку.

На конце диктофона висела металлическая пластинка размером с ноготь. Три иероглифа его имени туда не поместились, поэтому на ней выгравировали английское имя, которым Цяо Юаньлинь не пользовался со времен выпуска из школы Дэсинь.

Лян Чэн убрал диктофон в карман и сказал:

— Я попробую, Джордж.

Цяо Юаньлинь лишь промолчал.

Несмотря на праздники, дома совсем не чувствовалось семейного уюта: Хэ Цзе была на работе, а Цяо Вэньюань улетел в другой город на научный семинар и должен был вернуться только завтра утром. Цяо Юаньлинь отдохнул полдня, а после обеда отправился на телестанцию, чтобы поработать сверхурочно над выпуском программы.

После унылой, проведенной в одиночестве ночи он узнал, что к ним в гости собирается семья его дяди Цяо Вэньбо. Когда Цяо Вэньюань и Хэ Цзе женились, тот был занят и не смог прийти, так что праздничные дни стали отличным поводом наконец собраться вместе.

После развода родителей Цяо Юаньлинь все больше ненавидел семейные посиделки. Старшие родственники вечно жалели его из-за слабого здоровья и того, что о нем якобы некому позаботиться. В такие моменты он чувствовал себя крашеным цыпленком — жалким зрелищем, выставленным на всеобщее обозрение.

Но на этот раз все было иначе. Он считал, что Хэ Цзе — замечательный человек, и хотел показать остальным, что у него тоже все хорошо.

К вечеру в доме ярко горел свет. Семья дяди приехала вовремя, и принесенные ими подарки

заполнили весь обеденный стол.

Возвращаясь с работы, Цяо Юаньлинь заглянул в цветочный магазин и купил букет садовых лютиков. На свадьбе он из упрямства так и не решился подарить незабудки, но сегодня при всех преподнес цветы Хэ Цзе. Без лишних слов это дало всем понять: он принял ее.

Хэ Цзе радостная принялась искать вазу и бережно подрезать стебли у стола. Гости были родственниками со стороны семьи Цяо, так что тем для разговоров у них хватало. Цяо Юаньлинь никогда не слышал, чтобы Хэ Цзе рассказывала о своих родителях или братьях. Должно быть, у нее почти не осталось родных, иначе бывший муж вряд ли посмел бы так над ней издеваться.

Он подошел к ней и, не говоря ни слова, стал молча и заботливо помогать.

Спустя какое-то время подошла Яо Фу и заметила:

— Тетя, вы оставили слишком много листьев. Если их еще немного подрезать, будет красивее.

Хэ Цзе слегка растерялась, не ожидая, что ее так просто назовут тетей и станут давать советы по-домашнему непринужденно. Она улыбнулась:

— Тогда поможешь мне?

Яо Фу оттеснила Цяо Юаньлиня, и тот отправился бродить по кухне. На плите варился грейпфрутовый чай, а в духовке томилась большая курица-гриль. Он посмотрел на часы, гадая, успеет ли приехать Лян Чэн.

Но даже когда все сели за стол, с улицы так и не донесся рев мотора его «Мерседеса». Цяо Юаньлинь своевольно оторвал одну куриную ножку, отложил понемногу от каждого блюда, а грейпфрутовый чай перелил в отдельный чайник, добавив туда двойную порцию меда.

Поначалу атмосфера была дружелюбной, но затем братья Цяо завели спор о конфликтах между врачами и пациентами. Каждый твердо стоял на своем, и казалось, они готовы дискутировать до бесконечности. Жена дяди первой ускользнула под предлогом похода в уборную, а вскоре Хэ Цзе позвонили из родильного дома, и она ушла в спальню ответить на звонок.

Цяо Юаньлинь и Яо Фу выскользнули во двор подышать свежим воздухом. После того как они начали работать, видеться стали реже, поэтому у них накопилось много новостей, процентов на восемьдесят связанных с работой.

— Как же я скучаю по временам в Дэсине, — вздохнула Яо Фу. — Все эти обязательные предметы, факультативы, куча мероприятий — со всем справлялась на ура. А теперь от одной только хотелки заказчика хочется встать на колени.

Цяо Юаньлинь спросил:

— Заказчики тебя ругают? Наш главный редактор распекает меня каждый день.

Посоревновавшись в несчастьях, они немного успокоились, и Яо Фу продолжила:

— За все праздники никуда не съездила. То ли дело раньше: наш международный класс участвовал в культурных фестивалях, ездил на пикники, устраивал вечеринки. Вот это была

лафа!

Цяо Юаньлинь тогда не поехал, о чем сейчас искренне жалел. Яо Фу вдруг рассмеялась:

— Помнишь, как ты на перроне вцепился в ассистента Ляна и не отпускал? Все тогда судачили, что ты совершил каминг-аут.

Цяо Юаньлинь натянуто усмехнулся и вдруг брякнул:

— А мне и правда нравятся парни.

На самом деле с популярностью у него никогда не было проблем. Еще с детского сада девочки обожали играть с ним, ведь он был умным, спокойным и никогда никого не обижал. В школе он блистал как лучший ученик класса, а на выпускном ему в чувствах признался даже староста по биологии.

В университете симпатию к нему проявляли и парни, и девушки, а совсем недавно Лэй Цзюньмин и вовсе... Вот только он все время оставался один и никогда не рассказывал о делах сердечных.

В конце концов, пик его чувств пришелся на события восьмилетней давности. Кого бы он ни встречал после этого, его сердце оставалось спокойным.

Яо Фу на мгновение опешила, а потом до нее дошло:

— Так вот почему ты никогда не заговариваешь о свиданиях! И как... сейчас у тебя кто-то есть?

— Нет, — покачал головой Цяо Юаньлинь. — Сестренка, если я однажды решусь на каминг-аут перед семьей, ты должна будешь меня поддержать.

Яо Фу пообещала, что так и сделает, и практично посоветовала:

— К этому нужно подготовить почву заранее. Ты уже намекал дяде?

Цяо Юаньлинь удивился:

— Не рановато ли?

— Чем раньше, тем лучше, — настаивала Яо Фу. — Это как сложный экзамен с высоченной вероятностью провала. Лучше еще до теста начать жаловаться: мол, чувствую себя плохо, переволновался. Какой толк плакаться после объявления оценок? Все спишут на то, что ты просто плохо готовился.

Выговорившись, Яо Фу ушла в дом есть фрукты, оставив Цяо Юаньлиня размышлять в одиночестве во дворе.

Порыв прохладного ветра помог ему немного протрезветь. И зачем он строит планы в одиночку? Даже если он когда-нибудь и признается во всем, то... не он ведь был инициатором.

Цяо Юаньлинь открыл WeChat, как ни в чем не бывало пролистал ленту новостей, а затем вернулся к списку чатов, нажал на аватарку с белой собачкой и написал: «Мы закончили ужинать».

Лян Чэн: «Угу».

Цяо Юаньлинь: «Ты еще приедешь?»

Лян Чэн: «Нет, только закончил операцию».

Цяо Юаньлинь: «А ужин?»

Лян Чэн: «Дома перекушу чем-нибудь».

Отправив сообщение, Лян Чэн достал из шкафчика чистую одежду. С утра у него была малоинвазивная операция, а во второй половине дня он провел у операционного стола более шести часов. Силы кончились настолько, что не хотелось даже идти в душ.

Ноги казались заржавевшими механизмами. Превозмогая ноющую боль во всем теле, он переоделся, закончил смену и поймал такси у входа в больницу.

Откинувшись на заднем сиденье автомобиля, он прикрыл глаза. Попросив водителя довезти его прямо до подъезда, Лян Чэн только в лифте вспомнил, что забыл взять с собой еду на вынос.

В холодильнике нашлась лишь упаковка минеральной воды да банка острого соуса. Он выпил полбутылки воды и, собрав остатки сил, пошел в ванную.

Под струями горячей воды напряженные мышцы постепенно расслабились и согрелись. Быстро вытершись после душа, Лян Чэн с накинутым на голову полотенцем вернулся в спальню и заметил на банкетке у подножия кровати диктофон.

Он починил его, но во время переписки забыл сказать об этом Джорджу.

Лян Чэн лег в постель, откинулся на изголовье и выключил настольную лампу. На пятьдесят втором этаже шторы можно было не задергивать: яркий лунный свет падал на стену, рисуя причудливые тени. В плохом настроении такие блики вызывали бы бессонницу, но сейчас, когда на душе было хорошо, они казались завораживающими и нежными.

Он некоторое время не отрываясь смотрел на стену, затем повернулся на бок, потянулся вниз и выдвинул нижний запертый ящик прикроватной тумбочки.

Внизу, среди ровных рядов густых деревьев, неспешно брел человек. В наушниках играла музыка, а сам он напевал что-то под нос, держа в левой руке термосумку с курицей и рисом, а в правой — стакан грейпфрутового чая.

— О-о-о... е-е... — на последней ноте его голос сорвался.

Цяо Юаньлинь остановился у клумбы под окнами, поставил плеер на паузу и закинул голову назад, пытаясь отыскать взглядом окна пятьдесят второго этажа.

Там было совершенно темно. Не вернулся еще или уже лег спать?

Он набрал номер Лян Чэна. Гудки шли, но если обычно тот брал трубку после третьего-четвертого звонка, то сейчас вызов прозвучал уже больше десяти раз, а ответа не было.

Забеспокоившись, Цяо Юаньлинь сбросил вызов и набрал номер снова. Спустя еще семь или восемь гудков Лян Чэн наконец ответил, глухо пробормотав:

— Алло.

— Ты в больнице? — тут же спросил он.

Голос Лян Чэна звучал хрипло:

— Нет.

— Еще не закончил смену? — продолжал расспросы Цяо Юаньлинь. — Или едешь домой?

— Дома, — ответил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь нахмурился, гадая, не просчитался ли он этажами, и с недоумением посмотрел на панорамное окно:

— Почему так долго не брал трубку? Спишь?

— Нет, — Лян Чэн говорил быстрее обычного, но при этом отчетливо выделял каждое слово. — Что-то случилось?

Цяо Юаньлинь подозрительно прищурился. Его охватило смутное беспокойство, будто его обманывают. Он сильнее прижал наушник к уху и соврал:

— Ничего, просто хотел спросить, починил ли ты диктофон.

Лян Чэн промолчал. В трубке повисла такая тишина, словно вызов сбросили. Цяо Юаньлинь в нетерпении заходил кругами.

Внезапно из динамика донесся приглушенный стон, похожий на горячее, прерывистое дыхание, которое проскользнуло прямо ему в уши.

Цяо Юаньлинь замер на бордюре. Будучи взрослым парнем и к тому же совсем недавно испытал это на себе, он прекрасно понял, что сейчас происходит на том конце провода.

Тем не менее в голове все равно все перемешалось, и он требовательно спросил:

— ...Что ты делаешь?

Лян Чэн впервые в жизни запнулся:

— Ч-читаю.

Цяо Юаньлинь процедил сквозь зубы:

— Ты, блядь, в полной темноте читаешь?!

<http://bllate.org/book/18284/1753091>